

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1979

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

поступала более или менее регулярно через каждые девять суток на десятые, или 2—3 раза в месяц.

Из магистралей вода поступала в отводы, предназначенные для полива всей орошаемой площади кишлака. Уже в начале XX в. в одном кишлаке иногда насыщалось свыше десяти отводов, причем число их увеличивалось в зависимости от размера орошаемой площади, количества хозяйств, рельефа местности и разбросанности участков.

О распределении воды между хозяйствами можно судить на примере кишлака Таджикент (расположенного на одноименной магистральной). Это селение получало воду в течение двух суток. Общая орошаемая посевная площадь здесь составляла 558 танавов. Следовательно, на один танав вода могла поступать лишь в течение восьми минут.

Строгая очередность пользования водой имела особенно важное значение в летний период, когда каждое хозяйство остро нуждалось в воде. На этой почве часто происходили всякие недоразумения, прежде всего связанные с произволом крупных землевладельцев. Например, в исковом заявлении, предъявленном Абдалахадом и Абдарраззаком к Шалибаю и Худайберды, сыновьям Ибадуллы, проживавшим в местности Дилкуша, говорилось, что последние регулярно забирали долю воды заявителей, а когда те пытались протестовать, их оскорбили и избили. Заявители потребовали от местного судьи восстановить справедливость в водопользовании и назвать виновных за нанесение оскорбления¹⁶.

Как отмечают представители старшего поколения населения Каракульского оазиса, местная водная администрация распределяла воду «на глазок» (тахминан), при этом критерием служили только опыт и «совесть». Понятно, что в таких условиях допускались всякие злоупотребления¹⁷.

Зачастую мелкие хозяйства не имели возможности пользоваться водой из арыков и каналов, ибо большинство их находилось в руках крупных землевладельцев. Поэтому бедняки нередко орошали свои мизерные клочки водой из колодезев. Феодалная собственность на воду служила орудием эксплуатации непосредственных производителей со стороны эмиров, аминов, мирабов, аксакалов и др.

После присоединения Средней Азии к России и установления протектората над Бухарским ханством проблема водопользования еще более обострилась, поскольку ключи от вод Зарафшана оказались в руках колониальной администрации Туркестанского края и входившей в его состав Самаркандской области. Районы низовьев Зарафшана, в частности Каракульский туман, стали испытывать еще большую нехватку оросительной воды. Это обуславливало упадок орошаемого земледелия, усиливало обезземеливание и разорение кишлачной бедноты.

Только после Октябрьской революции, благодаря победе социализма, были обеспечены все необходимые условия для радикального решения земельно-водного и других коренных социальных вопросов, подлинно широкого развития ирригации, общего подъема сельского хозяйства и роста благосостояния дехканских масс.

Г. Ю. Астаноза

¹⁶ Рукописный фонд ИВ АН УзССР, папка 21, док. № 58.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 493, 494, 855, 1089, 1359; ИВ АН УзССР, ф. Хатт-и да'ва, папка № 21.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ О НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМАХ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Выяснение этимологии топонимов, как известно, в значительной мере связано с лингвистическими, историко-археологическими, этнографическими, географическими и другими источниками.

Немалую пользу в этом отношении может принести и изучение народных преданий. Безусловно, прав был В. А. Никонов, который писал: «Сколько красочных штрихов в историю быта и культуры добавят рассказы самих жителей о том, как произошли названия вокруг них»¹.

Разумеется, эти предания требуют критического осмысления вместе с данными других источников.

В этом плане представляют интерес дошедшие до нас народные предания о некоторых топонимах Бухарской области Узбекской ССР. Записанные нами со слов местных жителей, они содержат, в частности, оригинальные объяснения происхождения названий таких пунктов, как Кармина (Кармана), Джондор, Шергирон, Зиробод (Зирабад).

¹ Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965, с. 14.

Кармина. Этот топоним упоминается еще в книге бухарского историка Х в. Наршахи².

До нас дошло устное предание о происхождении данного названия. Оно гласит, что у одного из эмиров Бухары было три дочери. Каждой из них отец выделил земельный надел. Одну из дочерей звали Амина. Так как она была глухой, в простонародье ее звали Кар-Амина (глухая Амина), а принадлежащие ей земли — уделом Кар-Амины. Со временем слово это трансформировалось и вошло в обиход как Кармина.

Джондор — кишлак, расположенный в 18 км западнее г. Бухары. Согласно преданиям, на этом месте были когда-то джунгли (жангалзор). В этих глухих местах водились только шакалы. Джондор — таджикское слово: джон (жон) — душа, дор (от инф. «доштан») — держать, иметь, т. е. места, где водятся какие-то живые существа.

Шергирон — кишлак, расположенный в 2 км западнее Бухары³. Согласно преданиям, в древние времена сюда из Багдада приехал знаменитый борец (палван, пахлавон). По силе его считали подобным льву (шер). Один из местных жителей — Бобо-Фаррош (фаррош — подметальщик) одержал победу над багдадским борцом. Затем он ушел в джунгли и принес оттуда за уши двух львов. Такой же силой и смелостью обладали и другие жители кишлака. Поэтому его стали называть кишлоки Шергирон: шер — лев, гир (от тадж. инф. «грифтан») — держать + он (окончание множ. ч.), т. е. «Кишлак льводержателей».

Зиробод расположен в 15 км юго-восточнее Бухары. Согласно одному преданию, в древние времена там существовал невольничий рынок. Как-то один владелец караван-сарая приобрел очень сильного и трудолюбивого раба по прозвищу Зуркул: зур — сильный, кул — раб. Своим упорным трудом Зуркул превратил ранее бесплодную землю в цветущий оазис, и эти места стали называть Зуробод (зур — сильный, обод — благоустроенный), а впоследствии Зиробод⁴.

Существует и другое предание, согласно которому Зиробод происходит от слова вазиробод (вазир — премьер-министр, обод — благоустроенный). На вероятность подобной версии указывает тот факт, что недалеко от Зирабада находился кишлак Амиробод⁵ (амир — эмир, обод — благоустроенный).

Конечно, предания сами по себе не могут служить единственным источником для выяснения этимологии топонимов. И, разумеется, мы не можем категорически утверждать, что, например, топоним «Шергирон» происходит именно от неких «льводержателей» и т. п. Возможно также, что тот или иной топоним и связываемые с ним предания возникли в разные эпохи.

Тем не менее мы считаем, что вместе с другими источниками народные предания могут сыграть определенную роль в выяснении этимологии отдельных топонимов. Вполне очевидно также, что собрание и изучение древних преданий, связанных с топонимами, представляет безусловный интерес и для исследователей языка, фольклора, этнографии, исторического прошлого того или иного народа.

С. Алиев

² Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи. Форс тожик тилидан ўзбекчага таржима А. Расуловники. Тошкент, 1966, с. 20.

³ Один из 12 ворот средневековой Бухары назывались «Дарвози Шергирон».

⁴ Народные предания о Джондоре, Шергироне и Зирободы мы записали со слов жителя Бухарского района, узбекского поэта Шарифа Нурхона (1901 г. рожд.).

⁵ Ныне — ж.-д. ст. Пролетарабад.

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ КАВАРДАН

В 1979 г. Институтом археологии АН УзССР и Музеем истории народов Узбекистана были проведены археологические исследования в зоне освоения новых земель колхоза «Политотдел» Ташкентской области. Объектами изучения были руины древнего города Кабарна¹ и примыкающие к ним с севера и востока курганные захоронения, именуемые местными жителями «Мингтепа». Последние были открыты при земляных работах в 1971 г. и отождествлены Чач-Илакским археологическим отрядом².

Памятник прямоугольный в плане, занимает площадь более 80 га.

Город имел очень выгодное стратегическое положение, будучи прикрытым дрез-

¹ Это городище, ныне именуемое местными жителями «Кавардан», расположено на северной окраине одноименного селения (на левом берегу древнего русла Чирчика), к востоку от Ташкента, в 6 км от г. Янгйбазар.

² Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 87.

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ «ХАЙРАБАТ», «РАБАТ» И «ДАГБИТ»

В средневековых дорожниках приводится целый реестр географических пунктов, расположенных вдоль торговых путей Мавераннахры, большинство которых описаны с указанием маршрутных расстояний. Хотя многие из них не отождествляются с существующими ныне населенными пунктами, к тому же не определено их местоположение в исторической географии Средней Азии, однако некоторые существуют и в наше время, составляя один из древних пластов топонимики края с богатой народной этимологией.

Одними из наиболее сложных и трудноподвергаемых лингвистическо-этимологическому анализу, но вместе с тем весьма интересных по составу компонентов являются топонимы с топоформантами «бад-бат», «вад-ват», «бед-бет-вед», а также «бид-бит». Эти топоформанты характерны главным образом для долины Зарафшана, бассейна Сырдарьи и чаще всего встречаются в составе словообразовательных компонентов названий населенных пунктов, расположенных вокруг таких крупных исторических городов, как Бухара и Самарканд.

В письменных источниках арабоязычных авторов IX—XII вв. перечисляется немало географических названий в Мавераннахре с указанными топоформантами. Так, по реестру Сам'ани и Якута, в окрестностях Бухары были расположены такие географические пункты, как «Бадакат» или «Бадаката», «Бедихун», «Баден» или «Бадан», «Науджабад», «Наузабад» или «Нузабад», «Себедмун» или «Субедмун», «Субидгук», «Худабад», а в окрестностях Самарканда находились селения «Сенгбат» или «Сангабат» и «Бутйин» или «Батнин».

В реестре указывается местоположение некоторых из этих селений. Например, деревня Бедихун была расположена в 4 фарсах от Бухары, близ сел. Мугкан. На расстоянии 1/2 фарсаха от г. Бухары была деревня Себедмун. На краю степи, в 5 фарсах от Бухары, находилось селение Худабат¹.

Топоформанты «бад» или «бат» с их разночтениями как «бед-вед» и «вад-ват» восходят к исходному субстрату «ват», «вод» или «бат» и означают главным образом «караван-сарай» — подворье, постоянный двор, «пристанище» и «стойбище». В современных узбекском и таджикском языках этот субстрат сохранился как словообразовательный суффикс в форме «ват» или «вот», «бод» или «бат», с помощью которых обычно образуются как имена существительные, так и имена прилагательные. Например: «работ-равот» — подворье, гостинный или постоянный двор или просто «ворота»; «уват» — насыпь, межпосевная граница; «қават» — этаж, слой; «навбат» — очередь, очередность, дежурство, смена; «обод» — цветущий, заселенный, благоустроенный, освоенный; «газовот» — сражение, поле битвы, война; «сабзавот» — овощи, поля овощных культур; «турнавот» — журавлиное стойбище, гнездо; «хужабод» — подворье или гостиница ходжей и т. п.

Следует отметить, что большинство топонимов с компонентами «бат» или «ват» с их разночтениями, как исторические, упоминаемые в письменных источниках, так и живые, используемые в современных узбекском и таджикском языках, было подвергнуто сильному искажению как со стороны арабоязычных составителей средневековых дорож-

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963. С. 173—185.

ников, так и со стороны поздних носителей древнего пласта географических названий.

Установление истинного произношения таких названий затрудняется тем, что если арабоязычные авторы старались подчинить местные названия законам арабской лексики, не допускающей двух согласных после долгого гласного и трех — после краткого гласного, то поздние носители исходили из законов узбекского и таджикского произношения. В результате за многие века изначальная форма таких топонимов претерпела сильные изменения, а потому они трудно подвергаются как лингвистическому, так и этимологическому исследованию, и их этимология всегда вызывала острую дискуссию.

К числу таких топонимов относятся трехкомпонентный «Хайрабат» и двухкомпонентные «Рабат» и «Дахбид». Основные субстраты их — компоненты «бат» и «бид», восходящие к топоформанту «ват», впоследствии утратившие свою изначальную форму и значение.

В исторической географии Средней Азии широкое распространение получили населенные пункты под названиями «Рабат» и «Хайрабат», которые часто встречаются почти во всех речных долинах и земледельческих оазисах, а также в степных зонах края и в наше время. В низовьях Зерафшана в позднем средневековье топонимом «Хайрабад» именовался, наряду с множеством населенных пунктов, целый земледельческий район, известный в раннесредневековый период как нижний Самджаном-Самджанун Мавараун или же Тумани Джандар. А орошающий этот район магистральный канал назывался рекой Хайрабат-дарья.

Топоним «Хайрабат», состоящий из топоформанта «рабат» и аффикса «хай», в народной этимологии означает «подворье благотворения», «благотворительный приют», «ворота». По нашему мнению, он состоит из трех самостоятельных субстратов: «хай», в исходной форме — «хар», означающий «большой, огромный, крупный», «ра-рах» — «путь, дорога» (перс.-тадж.) и «бат», в первоначальной форме «ват» — «пристанище, приют, стойбище, постоянный двор, караван-сарай».

Таким образом, топоним «Хайрабат» образован сочетанием словообразовательного аффикса — прилагательного «хар» и двух сложных топоформантов «рах» и «бат», и его следует толковать не как «подворье благотворения» или «ворота», а как «караван-сарай на большой дороге», «большое подворье», «центральный гостинный двор», «большой постоянный двор».

В связи с установлением этимологии компонентов топонима «Хайрабат» сам по себе решается вопрос об этимологии термина «рабат» или «рават». Мы склонны считать его как безэпитетный вариант топонима «Хайрабат», и его следует толковать не как однозвучный ему «рабад» — от арабского термина «рабаз» — «предмestье, пригород», а как «караван-сарай на караванной дороге», «пристанище», «постоянный двор» или «гостиная».

По данным письменных источников, вокруг Пайкенда располагалось огромное количество рабатов. О численности их приводятся различные цифры. Так, по Макдиси, их было около тысячи, по Ибн Хаукалю и Наршахи — более тысячи, а по Сам'ани, число пайкендских рабатов некогда доходило до трех тысяч.

Несомненно, эти данные явно преувеличены. Благодаря визуальным и топографическим исследованиям, проведенным нами в окрестностях городища Пайкенд, а также дешифровке аэрофотоматериала древнепайкендского микрооазиса нам удалось не только зафиксировать, но и оконтурить руины около 30 рабатов. Топографически они представляют собой квадратные или прямоугольные впадины, края которых в виде валов несколько возвышаются над окружающей терри-

торней. На многих из них просматриваются ворота, предвратные сооружения, центральная дворовая часть. Подобный облик, как правило, имеют разрушенные древние постоянные дворы-рабаты и караван-сарай.

В 1981—1992 гг. на предместье городища Пайкенд Пайкендским археологическим отрядом Института археологии АН Узбекистана были раскопаны и изучены руины четырех замечательных образцов рабатов конца VIII — середины X в. Один из них представляет собой целый архитектурный комплекс (75×75 м) с обводной стеной, круглыми башнями в углах, внутренним двором и двумя воротами. Здесь вскрыто более 60 помещений, состоящих из одно-, двух- и трехкомнатных секций, складских, хозяйственных и культовых помещений, расположенных по всему периметру к внутреннему фасаду обводной стены. Раскопанный нами полностью Пайкендский рабат дает определенное представление о планировочном комплексе и функциональном назначении раннесредневековых постоянных дворов, упоминаемых в письменных источниках как «рабат».

Следует подчеркнуть, что с выяснением этимологии топонима «рабат» легко интерпретируется немало географических названий с разнообразными компонентами — эпитетами к композиту «рават» или «рабат», широко распространенных в топонимике Средней Азии. Так, ойконим «Акрават» можно толковать как «Белый рават, Белый караван-сарай», «Кызыл-рават» — красный, «Кошрават» — парный, двухчастный, «Мирават (Миррават)» — эмирский, «Рабати Малик» — царский, «Казирават» — судейский, «Раватходжа» — постоянный двор ходжей, «Шурават» — пристанище у солончака.

Третьим трудноподвергаемым лингвистико-этимологическому анализу является название селения «Дагбед», находящегося в 12 км к северо-западу от Самарканда, где расположена усыпальница одного из влиятельных касанских ходжей — Махдumi Агзама и его потомков, игравших важную роль в социально-экономической и духовной жизни позднесредневекового Самарканда и Ферганы. В «Джаме ал-Макамат», письменном источнике XVI в., это селение упоминается под названием «Дахбид». В народной этимологии этот ойконим толкуется как сочетание двух таджикских слов: «дах» — десять и «бед» — ива, т. е. деревня «с десятью ивами». Таким образом, словообразовательной топоосновой ойконима «Дахбед» или «Дахбид» является топоформант «бед» или «бид», редко встречающийся в исторической географии Узбекистана. Топоформант «бид» как композит в форме «бит» встречается только в нескольких пунктах. Это селение Битик на правобережье Амударьи, против г. Чарджоу, и населенный пункт «Битйин» или «Битнин» в окрестностях Самарканда.

Если учесть топооснову ойконимов «рабат» и «хайрабат» — «бат» и допустить чередование букв «е—и» на «а», а «д» на «т» в субстратах «бед-бид-бит», то топоформанты географических названий «Дахбед» или «Дахбид», «Битик», «Битйин» или «Битнин» восходят к единому композиту «бат» или «ват». Тогда интерпретируемый нами топоним «Дахбид» или «Дахбид» транскрибируется как «Дахбат» или «Дахбад», означающий десять караван-сараев, десять гостиных, постоянных дворов, десять пристанищ, «Битик» — как «Батак» или «Бадак» — постоянный дворик, маленькое стойбище, небольшое пристанище, а «Битйин» или «Битнин» — двухчастное стойбище или парные пристанища.

Таким образом, субстрат «бад» или «ват», восходящий к исходному «ват», является словообразовательным топоформантом ойконима «Дахбид». Если композит «бад» и его разнотечения «бат-ват» интерпретируются как «стойбище, пристанище», то топонимы «сават» следует транскрибировать как «сабат», т. е. три постоянных двора, три караван-сарая. А ойконим «Турват» или «Турбат» — как усыпальница.

На основе сказанного можно допустить интерпретацию топонима «Бедан» как «Бадан» и толковать его как стойбища, пристанища, т. е. множество караван-сараев; «Бадахун» — красное стойбище; «Бадакат» — поселение с караван-сараям: «Навзебад» — пристанище на новой земле; «Навджабад» — новонабережное пристанище; «Худабат» — стойбище сельского старосты; «Сангабад» — каменный гостинный двор и т. д.

Итак, топоформант «бат» в составе перечисленных выше топонимов выступает как сокращенная форма субстрата «рабат» и указывает, как нам представляется, на его функциональное назначение.

Следует отметить, что данные письменных источников о функциях раннесредневековых рабатов, которые описываются главным образом как укрепление, гостинный (постоялый) двор, разнообразны. Так, правительство Саманидов отвело земли по среднему течению Сырдарьи для тюркских поселенцев, обязавшихся защищать границу от нашествий языческих кочевников. Город Исфиджаб стал одним из сборных пунктов «воинов за веру», для которых было построено множество рабатов. По Макдиси, — до 1700, часть которых была предназначена для торговых людей из таких крупных городов Мавераннахра, как Самарканд, Бухара, Нахшеб. Такую же роль играли в свое время и пайкендские рабаты. По сообщениям Наршахи, жители каждого бухарского селения построили там по одному постоялому двору.

Исследователи ряда рабатов (Рабати Малик, Равати Ходжа, Калтепа и многих других), исходя из архитектурно-планировочных особенностей, высказали мнения о том, что здания подобного типа выполняли функции укрепления для гарнизона, выдвинутого форпостом в степных зонах, а также гостиного или постоялого двора для приезжих. Такая трактовка не противоречит данным письменных источников и археологических исследований отдельных ученых.

Итак, можно считать, что раскопанные нами рабаты были построены с учетом широких функций — не только как крепости для газнев, но и караван-сарая. По всей вероятности, в мирное время они играли роль караван-сараев, а в военное — могли быть обращены в укрепленные пункты, где сходились феодальные ополчения для борьбы с кочевниками.

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

O'ZBEKISTONDA
IJTIMOIY
FANLAR

1999

3—4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. Выходит по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

тепá, возможно, представлены свидетели «Чуда великого света» в собрании на горе «Gridhrakuta», о котором упомянуто в Лотосовой сутре¹⁶. При этом изображения трех поклоняющихся Будде женщин напоминают нам о женском имени мирянки в «Ма-нараджарати» и «Yashodhara»¹⁷. Отметим, что одной из важных идей Лотосовой сутры является женское равноправие в процессе достижения Нирваны. Среди многочисленных махаянических и хинаянических сутр такая идея отражена только в Лотосовой сутре¹⁸.

Таким образом, как мы предполагаем, изображения фаязтепинской живописи, возможно, имеют определенную связь с изложенными в письменных источниках — махаянических сутрах — идеями, в которых Будда представлен вечным трансцендентным существом. Кроме того, наличие изображения различных богов или правителя на фаязтепинской живописи, возможно, косвенно свидетельствует о культурном и религиозном слиянии. В этом отношении можно предполагать, что буддийская культура претерпела изменения в Северной Бактрии — Тохаристане под влиянием различных идеологий Кушанского государства.

Кэндзо Кавасаки

¹⁶ Hoke-kyo (jou). 1995. P. 8—9; The Lotus Sutra... P. 3.

¹⁷ Hoke-kyo (jou). U. 10—11; The Lotus Sutra... P. 4.

¹⁸ Ikeda D. Hoke-kyo no chi-e. Vol. 1. Tokyo, 1996. P. 107—114.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «КАРМИНА»

Город Кармина, известный в народе под названием Кармана, является одним из древнейших населенных пунктов долины Среднего Зарафшана, расположенных между Самаркандом и Бухарой. О средневековой истории города и его этимологии имеются хотя и краткие, но очень ценные сведения в трудах арабоязычных авторов IX—XII вв. Большую ценность представляют данные по исторической географии средневекового Мавераннахра, в том числе долины Зарафшана, где расположен раннесредневековый рустак Кармина с одноименным городским центром.

В описаниях бухарского историка X в. Мухаммада Наршахи город упоминается в форме «Кармина» и находится в 14 фарсах (98—112 км) от Бухары¹. Абу Саъд Абдулкарим ибн Мухаммад ас-Самъани, автор XII в., дает название города в форме «Кармания» и помещает его в 18 фарсах (120—144 км) от Бухары².

Наршахи, включая Кармину в список бухарских районов, особо подчеркивает, что он имеет одноименное поселение — центр рустака, где и находится соборная мечеть. По Истахри, по величине численности населения город был больше. Тавависа и в его округе было много селений³. Кармина была родиной многих литераторов и поэтов⁴.

Восточная граница орошаемых земель Бухарского оазиса в раннем средневековье начиналась с предслов Кармининского участка. Поэтому Наршахи особо подчеркивает, что Кармина принадлежит к бухарским волостям, вода его составляет часть бухарской воды и поземельная подать с этой волости причисляется к бухарской⁵. Единственным источником орошения Бухарского оазиса в тот период был Зарафшан, из которого по обеим сторонам реки были выведены десятки оросительных каналов. Первым из них Наршахи называет Нахри Кармана, он считает его «большим протоком»⁶.

¹ Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966. С. 20.

² Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Саъда Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Самъани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993. С. 64.

³ Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. *Viae regnorum*/Ed. M. J. de Goeje. *Lugduni Batavorum apud E. J. Brill*. 1967//BGA. V. 1. P. 313—314.

⁴ Наршахи. Указ. соч. С. 20.

⁵ В период средневековья весь водный сток Зарафшана, установленный мирабами долины в объеме 43 равака (арка) воды, равномерно распределялся между Самаркандской и Бухарской частями долины Зарафшана. По размеру орошаемых земель Самаркандский оазис получал 22 равака стока, а Бухарский — 21 равак. См.: Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до начала XX в.). Ташкент, 1978. С. 129.

⁶ Наршахи. Указ. соч. С. 20, 34.

По данным Наршахи, в X в. общий объем хараджа (поземельной подати) Бухарского оазиса вместе с хараджем рустака Кармины составлял 1 168 566 дирхемов и 5,5 данака⁷. Затем харадж с Кармины был отделен от хараджа Бухары⁸.

Таким образом, Кармина, расположенная на восточной границе Бухарского оазиса, в период раннего средневековья была самостоятельным рустаком с отдельной оросительной системой, выведенной из левобережья р. Зирафшан. Рустак Кармина в некоторых письменных источниках упоминается под названием Иасир⁹. Он был расположен за чертой древней оборонительной стены Бухарского земледельческого оазиса, известной в источниках как «Кампирак» или «Кампир девар», охватывавшей 15 земледельческих районов Бухары¹⁰.

По данным Э. В. Бартольда, город Кармина был разрушен в XII в. хорезмским шахом Эл-Арсланом¹¹. Развалины средневековой Кармины расположены в 7,5 км к северу, северо-западу от ж.-д. ст. Кармина¹².

В окрестностях Кармины, как упоминается в источниках IX—XII вв., было расположено несколько селений. Первым из них Наршахи называет Аркуд, который в то время был известен под названием Тававис¹³. Он находился на большой Самаркандской дороге, в семи фарсах (49—56 км) от Бухары¹⁴. У Наршахи Аркуд-Тававис описывается как большой город, где имелись соборная мечеть и огромный шахристан. В прежнее время в этом селении ежегодно осенью проходила ярмарка, продолжавшаяся десять дней. Там собиралось более 10 тыс. человек из Ферганы, Чача и других местностей¹⁵.

У Самъани Аркуд-Тававис упоминается под названием Арфуд и Варкуд¹⁶. Иакут помещает его в области Самарканда на пути в Бухару¹⁷. А в вакфных документах XVI в. этот населенный пункт рустака Кармины упоминается под названиями Аркуд и Фахна¹⁸. Следующее селение называлось Мизйамаджас. Иакут дает чтение — Мазйамаджас. По данным Истахри, это селение было расположено в одном фарсаке от Кармины, справа от дороги, ведущей в Байканд¹⁹. По «Худуд ал-аълам» в нем была соборная мечеть²⁰.

В двух фарсах от Кармины находилось селение Худиманкан. Истахри помещает его в одном фарсаке от Кармины в сторону Согда, на расстоянии полета стрелы (чулва — 0,25 км), влево от дороги²¹. В нем была соборная мечеть шафитов²². В одном фарсаке к северо-востоку от Кармины находилось селение Харъанкас²³. Иакут чтение этого селения дает в форме Харганкас и помещает его в одном фарсаке от Кармины, за рекой²⁴. По Истахри, он был расположен напротив Худиманкана и Мизйамиджаса и был равен им по величине²⁵. В «Худуд ал-аълам» дается чтение Харджанкас и в нем упоминается соборная мечеть²⁶.

Таким образом, в IX—XII вв. в рустаке Кармина — Иасир, кроме одноименного центра, имелся ряд крупных населенных пунктов: Аркуд-Тававис, называемый еще Арфуд-Варкудом, Мизйамаджас или Мазйамаджас, Худиманкан, Харъанкас или Харганкан, а также Харджанкас или Харганкат, с соборными мечетями и крупными базарами, которые, несомненно, демонстрировали статус самостоятельного центра раннесредневекового рустака Кармина.

В источниках, как уже отмечено, Кармина чаще всего называется именно так и редко — в форме Карминийа. А в исторической литературе на русском языке он встречается в форме «Кермине»²⁷, редко — «Кярмина»²⁸. У коренных жителей город известен как «Кармана».

⁷ Данак — 1/6 часть дирхема.

⁸ Наршахи. Указ. соч. С. 35.

⁹ Abu Ishak al-Farisi al-Istakhrī. Op. cit. P. 313—314.

¹⁰ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана // Соч. Т. III. М., 1963. С. 198—199.

¹¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963. С. 149.

¹² Там же.

¹³ Наршахи. Указ. соч. С. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 64.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965. С. 136.

¹⁹ Истахри. Указ. соч. С. 313—314.

²⁰ Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 64.

²¹ Истахри. Указ. соч. С. 313—314.

²² Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 64.

²³ Там же.

²⁴ Истахри. Указ. соч. С. 313—314.

²⁵ Там же. С. 314.

²⁶ Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 64.

²⁷ Бартольд В. В. Указ. соч. С. 85, 114, 198—200, 386.

²⁸ Мухаммад Наршахи. История Бухары. М., 1963. С. 28.

В письменных источниках X—XII вв. некоторые, но весьма любопытные сведения имеются и об этимологии «Кармина». По данным Наршахи, в древности Кармина назывался Бодйа-йи хурдак, что означало «кувшинчик»²⁹. Нам кажется, что у Наршахи под названием «Бодя хурдак» понималось не только селение или город Кармина, а весь одноименный средневековый рустак, преобладающую часть которого составляли степные просторы, примыкающие к восточным границам Кызылкумов. Поэтому было бы правильнее воспринимать первую часть топонима не как «Бодя», а «Бодия», т. е. «степь» или «пустыня», а не «кувшин». А в сочетании со словом «Хурдак» это означало бы небольшую степь или пустыню. Ибо в прошлом абorigены степных или пустынных зон назывались «бодия ахли» либо «бодийа нишин».

Арабоязычный автор XII в. Самъани толкует историю возникновения названия города Кармана иначе. По его рассказам, когда арабы впервые увидели этот город, они восхитились его красотой, изобилием воды, зелени и воскликнули: «Ка-Армийна», т. е. «как Армения»³⁰. В данном варианте топоним «Кармина» трактуется Самъани, исходя из морфологического анализа арабской лексики. Арабоязычный автор, выделяя из лексемы начальную букву «ка» как предлог, означающий на арабском языке «подобно», придает топониму новую форму — «Ка-Армания». Однако топоним «Кармина», в какой бы форме он ни подавался, по этимологии своей тесно переплетается с особенностями лексики древнего и древнейшего населения Средней Азии.

По морфологической структуре топоним «Кармина» или «Кармана» состоит из трех компонентов: «Кар» + «мин» (или «ман») + «а». Компонент «Кар» — аффикс-морфема; «мин» или «ман» — основа-субстрат; «а» — словообразователь-топоформант. Следует отметить, что начальная буква морфемы «Кар», т. е. «к», в народном произношении чередуется с буквой «х» или «қ», а последняя буква — «р» с «л». В исторической географии Бухарского оазиса встречаются такие населенные пункты, как, например, Харкан, Харқан, Харджан, Қалқан и т. п. В этих топонимах морфема «хар» участвует как определитель величины объекта или предмета. Эта функция морфемы «хар» ясно выражается особенно в названиях таких предметов, как «харсанг» — булыжник, т. е. буквально большой камень; «хартум» — хобот, т. е. длинный нос; «харчанг» — краб, т. е. буквально крупный палец; «харос» — мельница с большим жерновом; «хартанг» — ущелье или теснина с широким конусом выноса. Таким образом, морфема «кар» в форме «хар» как определитель величины объекта или предмета означает: «большой», «крупный», «высокий», «великий», «длинный», «широкий».

Исходя из сказанного, мы склонны считать, что первоначальная форма топонима «Кармина» или «Кармана» транскрибировалась как «Хармина» или «Хармана», что означало большой «мин» или большой «ман». В реестре наиболее древних топонимов Средней Азии встречается немало населенных пунктов с субстратом «мин» и «ман»: Замин, Кармин, Фамин, Хушминджакот, Манкат, Гардман, Зарман, Зерман, Саман, Суман, Сарманган, Чарманган, Худиманкат, Худиманкан и т. п.³¹

Субстрат «мин» и «ман» — один из древних терминов: он означает «высокий дом», «дворец», «резиденция», т. е. синонимы узбекских терминов «сарой», «кошона», «қароргоҳ». Среди исторических названий Узбекистана имеется немало топонимов с субстратами «сарой» — Оқсарой, Яккасарой, Қорасарой, Уртасарой, Қўқсарой, Бўстонсарой и т. д.

Таким образом, топоним Кармина или Кармана образовался из сочетания морфемы «хар» («большой») и субстрата «мин» или «ман» («дворец»). Первоначальной формой его было слово «Харминн» или «Харманн». В сочетании со словообразовательным топоформантом «а» оно транскрибировалось в «Хармина» или «Хармана», что означало «Большой дворец», т. е. резиденцию правителя.

А: Р. Мухамеджанов

²⁹ Наршахи. Указ. соч. С. 20.

³⁰ Камалиддинов Ш. С. Указ. соч. С. 64.

³¹ Бартольд В. В. Туркестан... С. 123—125, 145—148, 176, 205—206, 222—224, 233, 267.

ЕЩЕ РАЗ О НАДПИСИ НА САМАРКАНДСКОМ ДИРХЕМЕ ЧЕКАНА 663 г. х.

В. В. Бартольд в 1899 г. опубликовал статью «Неизданный самаркандский дирхем», в которой он исследует текст на медной монете, отчеканенной в 663/1264—65 г. в Самарканде во время царствования чагатайского хана Алгуя¹. В середине монеты на обеих сторонах имеется надпись на староузбекском языке.

¹ См.: Бартольд В. В. Соч. Т. IV. М., 1966. С. 343—345.